

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

H. Becewstein?

Н. И. Веселовскій, какъ изслѣдователь Востока и историкъ русской науки¹.

12 апрѣля (30 марта) текущаго года скончался Николай Ивановичъ Веселовскій, съ 1908 г. стоявшій во главѣ нашего Отдѣленія, принимавшій дѣятельное участіе въ жизни нашего Общества въ цѣломъ, въ которомъ съ 1881 г. состоялъ членомъ-сотрудникомъ, съ 1889 г. дѣйствительнымъ членомъ.

Николай Ивановичъ былъ ученикомъ и преемникомъ перваго представителя кафедры исторіи Востока въ нашемъ университетѣ, проф. В. В. Григорьева, также принимавшаго дѣятельное участіе въ жизни Археологическаго Общества и его восточнаго отдѣленія, въ которомъ былъ управляющимъ съ 1867 г. до своей смерти, послѣдовавшей въ 1881 г. О научныхъ заслугахъ В. В. Григорьева и о его вліяніи на молодое поколѣніе изслѣдователей Востока писали многіе, но Николай Ивановичъ своей книгой «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ», изданной въ 1887 г. Археологическимъ Обществомъ, поставилъ своему учителю памятникъ, какого не имѣетъ до сихъ поръ ни одинъ изъ другихъ русскихъ ориенталистовъ². Въ этой книгѣ ясно очерчено, со всѣми своими достоинствами и недостатками, то научное направленіе, главнымъ представителемъ котораго былъ Григорьевъ и къ которому еще въ студенческіе годы примкнулъ покойный Николай Ивановичъ.

По замѣчанію Николая Ивановича, «преподаваніе восточныхъ языковъ первоначально возникло въ нашихъ университетахъ изъ подражанія западной Европѣ», тогда какъ «каедрѣ исторіи Востока—учрежденіе наше соб-

¹ Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 23/10 мая 1918 г.

² До нѣкоторой степени съ этой книгой можетъ быть сопоставлена изданная въ томъ же году «Bibliographie analytique des ouvrages de M. M.-F. Grasset», составленная по другому плану и имѣвшая другую цѣль.

ственное, оригинальное, возникшее органически»¹. Первымъ профессоромъ исторіи Востока было суждено сдѣлаться ученому, болѣе чѣмъ за четверть вѣка до учрежденія этой каедры указавшему на необходимость такого учрежденія. Николай Ивановичъ не прибавляетъ, что въ 1837 г., когда Григорьевъ представлялъ въ университетѣ свой проектъ², каедра исторіи Востока существовала, если не въ университетѣ, то въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. За все время существованія каедры въ учебномъ отдѣленіи (1835 — 1843) ее занималъ будущій академикъ Б. А. Дорнъ³; его лекціи могъ слушать и Григорьевъ, принадлежавшій къ числу студентовъ учебнаго отдѣленія съ октября 1834 до марта 1836 г.

Какъ указываетъ въ своей книгѣ Николай Ивановичъ, обобщающій культурно-историческій курсъ долженъ былъ установить связь между разрозненными лингвистическими спеціальностями и дать студентамъ тотъ «общій взглядъ на Азію», котораго не могли давать лингвистическія каедры. Въ учебномъ отдѣленіи, гдѣ преподавались только языки арабскій, персидскій и турецкій, предметомъ такого обобщающаго курса могла быть только исторія мусульманскаго Востока, которая и читалась Дорномъ⁴; въ факультетѣ задачи курса были поставлены шире и должны были объять всю Азію. Личной собственностью Григорьева можно признать, повидимому, тѣ политическія соображенія, которыя приведены въ пользу учрежденія каедры въ проектѣ 1837 г.: «лучшее средство противодѣйствовать вліянію Запада — это опереться на изученіе Востока», такъ какъ «распространеніе и усиленіе въ Россіи восточныхъ занятій» сдѣлаетъ «горизонтъ нашихъ свѣдѣній и соображеній шире, чѣмъ у мыслителей и дѣятелей западной Европы».

Въ устахъ такого ученаго, какимъ былъ проф. Григорьевъ, слова о «противодѣйствіи вліянію Запада» не имѣли того анти-культурнаго и реакціоннаго смысла, какой можно было бы приписать имъ по ихъ буквальному значенію. Григорьевъ не могъ не сознавать, что въ Россіи XIX в. каждая научная мысль, хотя бы предметомъ ея былъ Востокъ, была неразрывно связана съ западно-европейской культурой. Онъ могъ называть свой родной

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 231.

² О немъ *ibid.* 332 и сл.

³ По формулярному списку Дорна (въ архивѣ Академіи Наукъ) онъ «при введеніи при учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ министерства-иностранныхъ дѣлъ преподаванія исторіи и географіи Азій, опредѣленъ въ вѣдомство сего министерства по Высочайшему повелѣнію 1834 г. 28 августа»; приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей 1 ноября 1835 г.; «при назначеніи къ увольненію его изъ учебнаго отдѣленія Азіатскаго департамента Всемиловитѣйше пожаловано ему единовременное пособіе 4000 р. сер. 1843 г. 4 дек.»

⁴ Такъ по запискѣ Николая Ивановича въ Трудахъ 3-го междунар. съѣзда ориенталистовъ, I, 134.

Петербургъ самымъ нерусскимъ городомъ изъ русскихъ городов¹, но достаточно было ему въ томъ же 1837 г. побывать въ Москвѣ, чтобы писать оттуда своему другу Савельеву: «теперь только я начинаю понимать дѣлу той европейской холодности Петербурга, которую укоряютъ его москвичи»². Для Григорьева борьба съ влияніемъ Запада сводилась, по крайней мѣрѣ въ области науки, къ борьбѣ съ рабской зависимостью отъ этого влияния. Лучшимъ средствомъ борьбы, какъ указывалось не однимъ Григорьевымъ и не только въ области востоковѣдѣнія, было самостоятельное изученіе первоисточниковъ, преимущественно тѣхъ, которые русскимъ ученымъ были ближе и доступнѣе, чѣмъ западно-европейскимъ; но, конечно, необходимымъ условіемъ было предварительное усвоеніе западно-европейскихъ научныхъ методовъ и созданіе въ Россіи научной школы, которая бы не уступала западно-европейскимъ. Съ нѣсколькими преувеличенными рвеніемъ оберегала достоинство и самостоятельность русской науки, Григорьевъ не всегда сознавалъ несоотвѣтствіе между вполнѣ законными національно-культурными стремленіями и тѣми средствами къ ихъ достиженію, которыми располагали его современники. Если Академія Наукъ въ 1911 г. имѣла право протестовать противъ подчиненія русской высшей школы «иноземному учительству»³, то едва ли Григорьевъ имѣлъ основаніе требовать въ 1866 г., чтобы «посылка за границу молодыхъ людей собственно для приготовленія къ профессурѣ» была «вовсе отмѣнена»⁴. Несмотря на долговременное существованіе кафедры арабской филологіи, прочныя традиціи были созданы въ Россіи въ этой области востоковѣдѣнія только въ 70-хъ годахъ дѣятельностью бар. Розена; еще труднѣе было прочно организовать въ Россіи преподаваніе такого новаго предмета, какимъ была исторія Востока.

Предлагая въ 1837 г. свой проектъ обобщающаго курса, Григорьевъ безсознательно подчинился влиянію западной Европы, гдѣ въ 30-хъ годахъ господствовало стремленіе къ синтезу, тогда же получившее въ Россіи нѣсколько уродливое выраженіе въ извѣстныхъ «Философическихъ письмахъ» Чаадаева⁵. Къ 60-мъ годамъ, когда проектъ получилъ осуществленіе, въ европейской наукѣ, въ томъ числѣ и въ востоковѣдѣніи, уже произошелъ поворотъ въ сторону спеціализаціи. Выѣсто предполагавшагося проектами

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 1.

² Ibid., стр. 24.

³ ИАН, 1911 г., стр. 962.

⁴ Матер. для ист. фак. Вост. яз., II, 36.

⁵ Особенно характерны выраженія второго письма (не напечатаннаго при жизни Чаадаева); автору казалось, что фактовъ «собрано довольно»; «историческій матеріалъ теперь почти истощенъ, и исторіи остается только размышлять» (А. Н. Пыпинъ, Характеристики литер. мнѣній отъ 20-хъ до 60-хъ годовъ. СПб. 1890, стр. 165).

20-хъ и 30-хъ годовъ преподаванія исторіи Востока однимъ лицомъ, даже не равноправнымъ съ представителями лингвистическихъ кафедр¹, уставомъ 1863 г. было предусмотрено дѣленіе исторіи Востока на три специальности— исторію семитическихъ народовъ, исторію сѣверо-восточной Азіи и исторію арійскихъ народовъ Азіи, чтобы каждая специальность «обнимала исторію извѣстнаго числа соплеменныхъ азіатскихъ народовъ»². Предметомъ лекцій проф. Григорьева, кромѣ общаго введенія, была «исторія сѣверо-восточной Азіи», т. е. исторія народовъ той предполагавшейся семьи языковъ, которую Григорьевъ въ годы своей молодости называлъ «чудьской»³. Общее введеніе, въ которомъ профессоръ сначала ставилъ себѣ гораздо болѣе широкія задачи, скоро превратилось въ обзоръ исторіи постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ различными частями Азіи⁴.

Кореннымъ недостаткомъ этого дѣленія было приуроченіе его не къ культурно-историческимъ группамъ или періодамъ, но къ группамъ лингвистическимъ; между тѣмъ народы, родственные по языку, могли не имѣть между собою по своимъ историческимъ судьбамъ ничего общаго. При чтеніи лекцій по исторіи сѣверо-восточной Азіи этотъ недостатокъ не былъ ощутителенъ; для народовъ сѣверо-восточной Азіи кочевой бытъ былъ еще болѣе реальнымъ связующимъ звеномъ, чѣмъ предполагавшееся лингвистическое родство. Выясненію фактовъ, повторявшихся въ исторической жизни кочевниковъ всѣхъ расъ и періодовъ, Григорьевъ посвятилъ одну изъ своихъ лучшихъ статей⁵. Для Россіи, по ея историческимъ судьбамъ, изученіе исторіи кочевниковъ и основанныхъ ими государствъ имѣло особенное значеніе. Еще до появленія національной русской науки работавшими въ Россіи иностранными учеными⁶, ориенталистами и даже не-ориенталистами, были поставлены на очередь вопросы, связанные съ изученіемъ кочевыхъ государствъ, въ составъ которыхъ нѣкогда входила Россія, именно государствъ хазарскаго и монгольскаго; по мѣрѣ развитія сношеній между Россіей и средне-азиатскими ханствами къ этому присоединилось изученіе исторіи тѣхъ завоеванныхъ кочевниками культурныхъ областей Средней Азіи, которыя для западно-европейскихъ ученыхъ были въ то время почти совер-

¹ Проектомъ 1832 г. предполагалось создать шесть ординатуръ для шести восточныхъ языковъ и одну экстраординатуру «для исторіи, географіи и археологіи восточныхъ». Ср. Матер. для ист. фак. Вост. яз., I, 137; IV, 46.

² Матер. для ист. фак. Вост. яз., I, 381.

³ В. В. Григорьевъ, стр. 13.

⁴ Ibid., стр. 234 сл. В. Бартольдъ, Исторія изуч. Востока, предисловіе.

⁵ ЖМНП, ч. 178 (1875), стр. 1—27.

⁶ Ср. предисловіе къ «Сборнику матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды» бар. В. Г. Тизенгаузена,

шенно недоступны. Академія Наукъ и въ то время, когда въ ея средѣ еще не было ориенталистовъ изъ природныхъ русскихъ, обратила вниманіе на эти научныя задачи, старалась направлять въ эту сторону работы русскихъ изслѣдователей и использовать для этой цѣли наличныя силы. Покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ¹ отмѣченъ фактъ, что первымъ ориенталистомъ изъ природныхъ русскихъ, избраннымъ (въ 1858 г.) въ Академію, былъ специалистъ по изученію Средней Азіи, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.

По замѣчанію Григорьева, изъ всѣхъ государствъ Европы, кромѣ Россіи, только Испанія пережила «яго азіатскихъ завоевателей, но роль Испаніи въ отношеніи къ Востоку кончена, а наша продолжается въ обратномъ смыслѣ: Востокъ покоряется теперь намъ»². Сопоставленіе Россіи съ Испаніей было сдѣлано еще въ 1832 г. въ запискѣ Френа³, при чемъ было указано другое различіе между обѣими странами: Испанія находилась подъ властью культурнаго мусульманскаго народа, оставившаго о себѣ подробныя свѣдѣнія въ своихъ лѣтописяхъ, тогда какъ по исторіи Золотой Орды въ восточныхъ литературахъ нѣтъ ни одного труда. Къ этому можно было бы прибавить, что владѣвшій Россіей восточный народъ не могъ оставить послѣ себя и такихъ вещественныхъ памятниковъ, какъ памятники мавританской архитектуры въ Испаніи, хотя бахчисарайскій дворецъ и называли иногда татарской Альгамброй. Только при завоеваніи Туркестана во власть Россіи перешла область съ такими же грандіозными памятниками восточной культуры, какъ постройки испанскихъ арабовъ; только тогда въ Россіи могло быть предпринято, по почину Николая Ивановича, такое изданіе, какъ альбомъ «Самаркандскія мечети», которому, по замѣчанію самого Николая Ивановича, изъ заграничныхъ изданій соответствовали только Monumentos arquitectonicos de Esraña⁴.

Студенческіе годы Николая Ивановича (1869 — 73) были временемъ «апогея учено-литературной дѣятельности и расцвѣта умственныхъ силъ» проф. Григорьева, какъ отмѣтилъ самъ Николай Ивановичъ въ некрологѣ бар. Розена⁵. Независимо отъ чтенія лекцій, Григорьевъ поддерживалъ живое общеніе со студентами, которые всѣ болѣе или менѣе подчинялись его вліянію. Яркую картину этого общенія мы находимъ въ запискѣ самого Григорьева, относящейся къ осени 1870 г.⁶ Студенты могли обращаться къ профессору ежедневно отъ 7 до 8½ часовъ вечера. Не назначая практиче-

¹ ЖМНП, ч. 352 (1904), отд. 4, стр. 203.

² В. В. Григорьевъ, стр. 232.

³ Приложение къ «Сборнику» бар. Тизенгаузена, стр. 555 сл.

⁴ ЗВО, XVII, 0183.

⁵ ЖМНП, нов. серія, ч. 14 (1908), отд. 4, стр. 170.

⁶ Помѣщена въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. унив., № 3, стр. 52 сл.

скихъ занятій въ опредѣленное время, Григорьевъ старался возбудить въ студентахъ стремленіе къ самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ, не стѣсня ихъ въ выборѣ темы: «пусть каждый пишетъ о томъ, что кажется ему интереснѣе, лишь бы писалъ научнообразно, и предметъ относился до Азіи». Но, предлагая студентамъ темы для соисканія наградъ медалями, Григорьевъ, конечно, руководился своими собственными научными интересами въ области изученія исторіи монгольской имперіи и средне-азиатскихъ народовъ. Одна изъ такихъ темъ, о податяхъ и повинностяхъ, взимавшихся монголами съ покоренныхъ народовъ, была разработана Николаемъ Ивановичемъ, трудъ котораго въ 1873 г. былъ удостоенъ факультетомъ, на основаніи отзыва Григорьева¹, золотой медали.

Занятія Николая Ивановича еще раньше обратили на себя вниманіе профессоровъ; осенью 1870 г. факультетъ предполагалъ назначить ему стипендію министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ студенту, «по своимъ занятіямъ и недостаточности средствъ вполне заслуживающему такого ходатайства факультета»². Выборъ имъ специальности, помимо вліянія Григорьева, могъ быть опредѣленъ также личными причинами. Происходилъ изъ матеріально необезпеченной мѣщанской семьи³, получивъ среднее образованіе въ провинціальной, именно въ Вологодской гимназіи, Николай Ивановичъ, естественно, не владѣлъ иностранными языками въ такой степени, какъ молодые люди, выросшіе при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, и потому долженъ былъ отдать предпочтеніе специальности, въ которой онъ менѣе всего зависѣлъ отъ западной науки. Николай Ивановичъ оставался и впослѣдствіи болѣе русскимъ, чѣмъ европейскимъ ученымъ; дѣятельный участникъ едва ли не всѣхъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ, начиная съ 6-го (одесскаго), отъ до конца жизни не совершалъ ни одной поѣздки въ западную Европу и не имѣлъ сколько нибудь оживленныхъ сношеній съ западнымъ ученымъ міромъ.

Въ факультетскомъ отзывѣ о медальномъ сочиненіи Николая Ивановича указывается, что молодой авторъ не вполне правильно понялъ тему; имѣлась въ виду чисто-филологическая цѣль — выяснить точное значеніе монгольскихъ и турецкихъ словъ, встрѣчающихся въ ханскихъ грамотахъ и относящихся къ податямъ и повинностямъ; авторъ поставилъ свою задачу шире и старался по источникамъ «выяснить монгольскую систему податей

¹ Отзывъ напечатанъ въ Протокъ засѣд. сов., № 7, стр. 121 сл.

² Протокъ засѣд. сов., № 3, стр. 16.

³ Въ одномъ изъ документовъ, находящихся въ дѣлѣ Н. И. Веселовскаго (въ университетскомъ архивѣ), упоминается увольнительное свидѣтельство, полученное его отцомъ изъ московской ремесленной управы.

и повинностей». Повидимому, приходится въ этомъ случаѣ признать взглядъ ученика болѣе правильнымъ, чѣмъ взглядъ учителя; выполненіе филологической задачи едва ли было возможно безъ изученія реально-историческихъ условій, безъ выясненія той стороны государственной жизни, къ которой относятся встрѣчающіеся въ грамотахъ термины. Вполнѣ естественно, что эта работа, не выполненная и до сихъ поръ, оказалась непосильной для студента. О рѣдкой добросовѣстности, съ которой молодой авторъ старался сдѣлать все, что было въ его силахъ, свидѣлствуютъ слова факультетскаго отзыва, что въ представленной работѣ нельзя было найти ни одного историческаго, географическаго или хронологическаго промаха — слова, которыя довольно рѣдко приходится читать въ отзывахъ о студенческихъ работахъ вообще и о работахъ студентовъ-ориенталистовъ въ особенности.

Къ исторіи Золотой Орды и монгольской имперіи Николай Ивановичъ возвращался впоследствии много разъ, начиная со статьи о Куликовской битвѣ, напечатанной въ «Древней и Новой Россіи» 1880 г., по случаю четырехсотлѣтія со дня битвы, и кончая рецензіей на изданный въ 1916 г. трудъ М. Д. Приселкова «Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ». Въ этой области Николай Ивановичъ успѣшно продолжалъ труды своего учителя, которому уступалъ по дарованіямъ и широтѣ научнаго кругозора, но котораго превосходилъ трезвостью сужденій и стремленіемъ имѣть подъ погами твердую почву. По справедливому замѣчанію Николая Ивановича, «у Григорьева не было той эрудиціи, которая пріобрѣтается кропотливымъ собираніемъ фактовъ, но онъ обладалъ яснымъ взглядомъ на историческія событія, имѣлъ широкій полетъ мысли, оттого его выводы и заключенія иногда смѣлы, но всегда цѣнны»¹. Принявшись еще въ молодости, подъ руководствомъ Френа и Сенковскаго, за составленіе исторіи Золотой Орды², Григорьевъ впоследствии далъ объ этомъ предметѣ рядъ блестящихъ этюдовъ, но самая исторія не была написана, какъ остается ненаписанной и до сихъ поръ. Николай Ивановичъ и впоследствии предъявлялъ къ трудамъ въ этой области такія же строгія требованія, какъ въ своей студенческой работѣ; его не удовлетворялъ даже талантливый «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» И. Н. Березина, такъ какъ въ этомъ трудѣ не выяснено, «дѣйствительно ли существовали въ Золотой Ордѣ всѣ тѣ подати, которыя перечислялись въ ярлыкахъ, и существовали ли всѣ тѣ должности, которыя упоминались въ этихъ документахъ»³. Своими собственными работами Николай Ивановичъ не подвинулъ, однако, впередъ

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 277.

² Ibid., стр. 22 сл.

³ ЖМНП, ч. 68 (1917), стр. 120.

этой задачи; превосходя своего учителя усидчивостью и выдержкой, онъ тѣмъ не менѣе далъ намъ о татарахъ и монголахъ только рядъ статей сравнительно небольшого объема, притомъ составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи словарнаго матеріала и переведенныхъ на русскій языкъ источниковъ. Не владѣя при поступленіи въ университетъ ни однимъ языкомъ, кромѣ русскаго, Николай Ивановичъ не усвоилъ и восточныхъ языковъ въ той степени, въ какой это было необходимо для производства самостоятельныхъ изысканій по первоисточникамъ, можетъ быть именно потому, что принимался за изученіе слишкомъ большого числа языковъ; кромѣ языковъ арабско-персидско-турецко-татарскаго разряда, имъ изучался и китайскій. Какъ въ послѣдніе, такъ уже въ первые годы своей научной дѣятельности¹, Николай Ивановичъ для изданія и перевода восточныхъ текстовъ былъ вынужденъ обращаться къ помощи представителей лингвистическихъ спеціально-стей. Рядъ пробѣловъ и ошибокъ въ работахъ Николая Ивановича о монгольской имперіи и связанныхъ съ ней государствахъ объясняется невозможностью пользоваться подлинными текстами лѣтописей и оффиціальныхъ документовъ².

До нѣкоторой степени этотъ недостатокъ возмѣщался тщательнымъ использованіемъ этнографическаго и археологическаго матеріала. Интересъ къ этнографіи, повидимому, проявился у Николая Ивановича раньше, чѣмъ интересъ къ археологіи; Николай Ивановичъ еще въ 1879 г. вступилъ въ число членовъ Географическаго Общества и только въ 1881 г. сдѣлался членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества. Въ статьяхъ о Золотой Ордѣ онъ касался и археологическихъ вопросовъ, какъ вопроса о мѣстоположеніи упоминаемаго на золотоордынскихъ монетахъ Гулистана; но въ гораздо большей степени имъ былъ использованъ для этихъ статей этнографическій матеріалъ, особенно свѣдѣнія о шаманствѣ, съ которыми было необходимо считаться и при разрѣшеніи такого археологическаго вопроса, какъ вопросъ о каменныхъ бабахъ. Этотъ вопросъ и другіе вопросы, свя-

---

¹ Въ томъ числѣ въ статьѣ о Куликовской битвѣ, для которой переводъ двухъ пѣсней о Мамаѣ былъ доставленъ В. Д. Смирновымъ (Др. и Нов. Россія, XVIII, 21 сл.). Первая пѣсня, о которой въ статьѣ Николая Ивановича сказано, что она «имѣется въ печатномъ сборникѣ», напечатана въ хрестоматіи Османова (Ногайскіе и Куманскіе тексты, стр. 63); вторая, извлеченная изъ «тетради Османова», по содержанію отчасти, но не вполне соотвѣтствуетъ тексту хрестоматіи на стр. 64.

² Ср., напр., статью Николая Ивановича «О турецко-татарскомъ словѣ тыш («зубъ») въ дипломатическихъ документахъ» (1915) и статью А. Н. Самойловича въ ИАН, 1917 г., стр. 1277 сл. Ср. также статью «Замѣтки по исторіи Золотой Орды» (1916), въ которой изъ лѣтописныхъ извѣстій использованы только источники, ꙗшедшіе въ «Сборникъ» бар. Тизенгаузена, и совершенно оставленъ въ сторонѣ очеркъ исторіи Золотой Орды въ трудѣ Рашид-ад-дина, который уже въ то время былъ доступенъ въ печатномъ изданіи.

занные со средне-азиатскими религиозными вѣрованіями, касались не только монголовъ и ихъ современниковъ, но и болѣе раннихъ кочевыхъ народовъ; литературный матеріалъ, который, помимо этнографическихъ и археологическихъ данныхъ, было необходимо привлечь для такихъ изслѣдованій, относился, однако, главнымъ образомъ къ монгольскому періоду, такъ какъ о кочевыхъ народахъ того времени источники даютъ гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о прежнихъ кочевыхъ государствахъ. Исторіи послѣднихъ Николай Ивановичъ въ своихъ печатныхъ работахъ мало касался; его статья по вопросу о гуннахъ стоитъ среди его работъ совершенно одиноко; къ мимоходомъ высказанной въ концѣ этой статьи гипотезѣ, что среди народовъ волжскаго бассейна потомками гунновъ являются башкиры, онъ потомъ не возвращался. Какъ этнографическимъ, такъ и археологическимъ матеріаломъ Николай Ивановичъ въ этой части своихъ изслѣдованій пользовался только изъ вторыхъ рукъ; ни этнографическихъ, ни археологическихъ изслѣдованій въ волжскомъ бассейнѣ онъ не производилъ, даже, насколько извѣстно, не посѣщалъ развалинъ золотоордынскихъ городовъ.

Послѣ окончанія университетскаго курса Николай Ивановичъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ занятію каведры исторіи Востока. Съ 1 іюня 1873 до 1 января 1876 г. онъ пользовался стипендіей, потомъ еще полгода считался оставленнымъ при университетѣ безъ стипендіи; съ іюля 1876 г. связь его съ университетомъ была прервана и возобновилась только осенью 1877 г., послѣ защиты имъ магистерской диссертации. Къ этому неблагоприятному въ жизни Николая Ивановича времени относится 3-ій международный съѣздъ ориенталистовъ, состоявшійся въ Петербургѣ въ августѣ 1876 г. Участіе Николая Ивановича въ засѣданіяхъ съѣзда ограничилось представленіемъ статьи одного изъ его старшихъ товарищей М. Н. Ростиславова «Очеркъ видовъ земельной собственности и поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ», напечатанной потомъ въ «Трудахъ» съѣзда¹. Для тѣхъ же «Трудовъ», вышедшихъ въ свѣтъ только въ 1879 г., Николаемъ Ивановичемъ были собраны, въ обширной статьѣ, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Статья потребовала отъ автора большой кропотливой работы и до сихъ поръ остается незамѣненнымъ пособіемъ для всѣхъ, изучающихъ исторію русскаго востоковѣдѣнія.

Тема для магистерской диссертации была выбрана Николаемъ Ивановичемъ не изъ области исторіи монгольской и другихъ кочевыхъ имперій,

¹ Труды 3-го межд. съѣзда ориентал., т. I, стр. 329 сл. О представленіи статьи тамъ же, стр. LVII.

но изъ области исторіи новѣйшихъ средне-азиатскихъ ханствъ. Эта область тоже была близка проф. Григорьеву, посвятившему одной изъ странъ Средней Азіи, не вошедшей въ составъ Россіи, но сосѣдней съ Россіей, именно Восточному Туркестану, капитальное историко-географическое изслѣдованіе, въ видѣ дополненій къ соотвѣтствующей части труда К. Риттера. Григорьевъ не ожидалъ для Россіи большихъ экономическихъ выгодъ отъ завоеванія Туркестана, но понималъ, что для управленія вошедшей въ составъ Россіи культурной страной необходимо знать ея исторію. Его поражало «отсутствіе историческаго элемента» въ статьяхъ о будущности этого края, «точно будто бы онъ существуетъ со вчерашняго дня, точно будто бы въ прошлыхъ судьбахъ его нѣтъ никакихъ указаній относительно настоящаго его положенія»¹. Студентамъ для соисканія наградъ медалями нѣсколько разъ предлагались темы, относящіяся къ исторіи Туркестана; одна изъ такихъ темъ — о географической литературѣ арабовъ, «съ обозначеніемъ, какъ далеко простирались свѣдѣнія арабскихъ географовъ вглубь Средней Азіи и какого достоинства эти свѣдѣнія», была разработана Н. Н. Пантусовымъ, сочиненіе котораго было удостоено въ 1871 г. золотой медали²; въ томъ же году Н. Н. Пантусовъ былъ оставленъ при университетѣ (по кафедрѣ исторіи Востока), но въ 1872 г. перешелъ на службу въ Туркестанъ³. 1873 г., годъ окончанія Николаемъ Ивановичемъ университетскаго курса, былъ годомъ хивинскаго похода (приготовленія къ которому также отразились на русскихъ работахъ по востоковѣдѣнію). Студентамъ въ этотъ годъ для соисканія наградъ медалями было предложено «изложить историческій ходъ постепеннаго распространенія европейскихъ свѣдѣній о странахъ въ бассейнѣ Аму-дарьи»⁴; въ «Russische Revue» за тотъ же годъ было напечатано историко-географическое изслѣдованіе ориенталиста П. И. Лерха «Khiva oder Khâgezst». Вѣроятно, не безъ вліянія Лерха, о которомъ онъ упоминаетъ въ предисловіи, какъ о своемъ руководителѣ, наравнѣ съ проф. Григорьевымъ, Николай Ивановичъ предметомъ своей диссертациі избралъ «Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго». Зависимость отъ Лерха не ограничилась выборомъ темы; въ текстѣ книги⁵

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 237.

² Факультетскій отзывъ напечатанъ въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. ун-в., № 3, стр. 132 сл.

³ Ср. ЗВО, XXIV, 240.

⁴ Факультетскій отзывъ объ удостоенной серебряной медали работѣ А. Романова (служившаго потомъ въ Туркестанѣ, ср. свѣдѣнія о немъ въ Матер. для ист. фак. Вост. яз., III, 71) напечатанъ въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. ун-в., № 9, стр. 95 сл.

⁵ Очеркъ свѣд. о Хив. ханствѣ, стр. 87.

повторена ошибка Лерха¹, полагавшего, что съ конца XIV до второй половины XV в. мы не имѣемъ о Хорезмѣ никакихъ свѣдѣній. По плану работа Николая Ивановича, однако, существенно отличается отъ работы Лерха. Вопреки заглавію диссертациі, авторъ говоритъ въ предисловіи, что «избѣгалъ, по возможности, всякихъ географическихъ изслѣдованій»², тогда какъ въ работѣ Лерха географическимъ вопросамъ отведено значительное мѣсто. Для Лерха «Хива» была прежде всего старымъ культурнымъ «Хорезмомъ»; Николай Ивановичъ обращаетъ вниманіе не столько на этотъ Хорезмъ, о которомъ, кромѣ работы Лерха, въ то время уже существовала работа Е. Sachau, сколько на «новую исторію Хивы, именно съ начала XVI столѣтія, съ утвержденія въ ней узбековъ», при чемъ главнымъ источникомъ были для него сообщенія русскихъ пословъ и путешественниковъ³.

Этимъ въ значительной степени опредѣляются достоинства и недостатки не только магистерской диссертациі Николая Ивановича, но и другихъ его трудовъ по исторіи культурной Средней Азіи. Подробное ознакомленіе съ восточными источниками было въ этомъ случаѣ еще болѣе необходимо, чѣмъ при изученіи исторіи кочевниковъ, и недостаточность познаній Николая Ивановича въ восточныхъ языкахъ не могла не отражаться на результатахъ его дѣятельности прежде всего въ количественномъ отношеніи; капитальныхъ историческихъ трудовъ, требовавшихъ сложныхъ изысканій по первоисточникамъ, онъ не могъ намъ дать. Довольно часто имъ высказывались предположенія, отъ которыхъ онъ отказался бы при скольконибудь подробномъ ознакомленіи съ первоисточниками; таково, напримѣръ, высказанное въ диссертациі мнѣніе, что мусульманскіе владѣтели Хорезма до XII в. не могли называть себя хорезмшахами и что «арабскіе писатели» даютъ имъ этотъ титулъ только «по недостатку отчетливости»⁴. Той же причиной объясняются нѣкоторыя ошибки Николая Ивановича въ области виѣшней исторической критики, какъ отстаиваніе подлинности явно подложной автобіографіи Тимура⁵. Съ другой стороны, «нетрудное, но кропотливое»⁶, по выраженію Николая Ивановича, дѣло собиранія и критическаго изслѣдованія рассказовъ русскихъ пословъ и путешественниковъ выполнялось имъ въ совершенствѣ. Въ этомъ отношеніи какъ изслѣдователя исторіи

¹ Khiva oder Khàrezm, отд. оттискъ, стр. 40. Свѣдѣнія изъ مطبع السعديين Абд-ар-Резака Самарканди задолго до появленія труда Лерха были сообщены даже на французскомъ языкѣ Катрмеромъ (Not. et Extr. XIV, 1-re partie, 225 сл.).

² Очеркъ, стр. VI.

³ Ibid., стр. VII.

⁴ Очеркъ, стр. 60 сл.

⁵ ЗВО, VI, 345 и ЖМНП, ч. 303 (1896), стр. 226 сл.

⁶ Очеркъ, стр. VII.

Средней Азіи, так и русскіе историки еще долго будутъ находиться въ зависимости отъ работъ Николая Ивановича, не только отъ изданныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ, но и отъ его подробныхъ и тщательныхъ комментариевъ къ лѣтописнымъ и другимъ извѣстіямъ.

Особое мѣсто среди работъ Николая Ивановича по исторіи Средней Азіи занимаютъ его рецензіи; въ нихъ онъ подробнѣе, чѣмъ въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ, высказывалъ свое мнѣніе о задачахъ русской науки и русской правительственной власти. Отзыви о чужихъ трудахъ писались имъ съ полнымъ уваженіемъ къ каждому добросовѣстному изслѣдованію или собранію матеріаловъ; только если авторъ ясно обнаруживалъ свое незнакомство съ предметомъ, о которомъ говорилъ, тонъ рецензента становился рѣзкимъ, иногда слишкомъ рѣзкимъ. Кромѣ того Николай Ивановичъ не выносилъ «патетическихъ разглагольствованій, которыя въ сущности ничего не говорятъ, но читать которыя какъ то противно»¹. Подобно Григорьеву, Николай Ивановичъ не раздѣлялъ «иллюзіи насчетъ необыкновенныхъ богатствъ»² присоединеннаго къ Россіи Туркестанскаго края и въ своемъ скептицизмѣ шелъ, можетъ быть, даже слишкомъ далеко. Изъ научныхъ задачъ Николаю Ивановичу менѣе всего были понятны чисто-лингвистическія, особенно работы лингвистовъ новѣйшей школы, что нашло себѣ отраженіе если не въ печатныхъ рецензіяхъ Николая Ивановича, то на его публичныхъ выступленіяхъ, наиримѣръ, на университетскихъ диспутахъ. Въ тѣхъ же выступленіяхъ, отчасти и въ печатныхъ статьяхъ, Николай Ивановичъ не всегда проявлялъ достаточно объективное отношеніе къ тѣмъ элементамъ, которыми опредѣляется культурное прошлое Востока—исламу, буддизму, дальне-восточной и средне-азиатской государственности. Николай Ивановичъ видѣлъ въ этихъ элементахъ силы, враждебныя современной русской и европейской культурѣ; имъ справедливо осуждались такіа дѣйствія русской власти, какъ укрѣпленіе ислама³ и буддизма въ XVIII в. и укрѣпленіе такого обломка средневѣковой государственности, какъ власть бухарскаго эмира, въ концѣ XIX в.⁴ Но подъ вліяніемъ такого отношенія къ современности онъ былъ склоненъ преувеличивать и въ прошломъ отрицательныя стороны этихъ культурныхъ факторовъ и не вполне оцѣнивалъ ихъ заслуги.

Особенно значительны заслуги Николая Ивановича въ дѣлѣ археологическаго изученія Туркестана. Не вполне ясны причины увлеченія Нико-

¹ ЗВО, VI, 344.

² Ibid., II, 279.

³ Объ исламѣ особенно ЗВО, V, 118.

⁴ ЗВО. VIII. 164 сл.

лая Ивановича археологіей; можно было бы предполагать и въ этомъ случаѣ вліяніе Лерха, тѣмъ болѣе, что и Лерхъ, какъ въ послѣдствіи Николай Ивановичъ, интересовался археологіей не только какъ изслѣдователь Востока; еще въ 1862 г., за нѣсколько лѣтъ до своей археологической поѣздки въ Туркестанъ, Лерхъ напечаталъ статью объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Но Николай Ивановичъ сталъ заниматься археологіей только въ 80-хъ годахъ, когда Лерха въ Россіи уже не было. Въ 70-хъ годахъ и въ началѣ 80-хъ Николай Ивановичъ еще не посѣщалъ археологическихъ съѣздовъ, хотя именно эти съѣзды, казанскій (1877) и тифлиссскій (1881), по мѣсту своего созыва имѣли больше значенія для востоковѣдѣнія, чѣмъ послѣдующіе. Первымъ по времени признакомъ интереса къ археологіи была его поѣздка въ Москву въ декабрѣ 1882 г. для участія въ работахъ комитета, подготавливавшего созывъ 6-го, одесскаго археологическаго съѣзда, состоявшагося въ августѣ 1884 г. Въ ноябрѣ того же 1884 г. Николай Ивановичъ получилъ отъ Археологической Комиссіи (средства на поѣздку были назначены также университетомъ) годичную командировку въ Туркестанъ для изслѣдованія городища Афрасіабъ близъ Самарканда и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древности. Результатамъ раскопокъ, помимо отчета, опубликованнаго Археологической Комиссіей, Николай Ивановичъ посвятилъ въ послѣдствіи рядъ статей и докладовъ, по не сдѣлалъ ихъ предметомъ исчерпывающаго изслѣдованія; не былъ опубликованъ также атласъ находокъ, сдѣланныхъ на Афрасіабъ и впервые установившихъ фактъ существованія въ до-мусульманскомъ Туркестанѣ искусства, находившагося подъ вліяніемъ греческаго. Вообще раскопками былъ добытъ богатый матеріалъ для изученія до-мусульманскаго прошлаго этого края и возбужденъ рядъ научныхъ вопросовъ, въ послѣдствіи разъяснявшихся отчасти посредствомъ новыхъ археологическихъ находокъ, но главнымъ образомъ путемъ привлеченія литературнаго матеріала. По одному вопросу, именно по вопросу о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи, письменное свидѣтельство (изъ переведенныхъ на русскій языкъ китайскихъ источниковъ) было сообщено самимъ Николаемъ Ивановичемъ; въ остальныхъ случаяхъ это было сдѣлано другими. Догадка Николая Ивановича о принадлежности найденныхъ на Афрасіабъ черепковъ къ «глинянымъ гробамъ до-мусульманскаго періода»¹ блестяще подтвердилась; но отъ археологическаго довода въ пользу своего мнѣнія (указаніе на аналогію съ кавказскими глиняными гробами) Николай Ивановичъ въ послѣдствіи самъ отказался; гораздо болѣе

---

¹ Ср. по этому вопросу мою статью (съ указаніемъ литературы предмета) въ Изв. Русскаго Комитета для изуч. Средней и Вост. Азіи, № 8 (мартъ 1908 г.), стр. 47 сл.

важными оказались приведенные другими учеными письменные известия о погребальных обрядах последователей религии Зороастра вообще и населения Туркестана в частности. Раскопки Николая Ивановича на Афрасиаб доказали, что Афрасиаб был покинут только в XIII в., послѣ монгольского нашествія; но только показанія арабскихъ географовъ дали возможность выяснить историческую топографію до-монгольского Самарканда и то мѣсто, которое занимаетъ въ исторіи этого города Афрасиаб¹. Николаемъ Ивановичемъ былъ установленъ фактъ существованія въ Туркестанѣ кургановъ, служившихъ не для погребенія, но представляющихъ остатки укрѣпленныхъ жилищъ прежнихъ жителей; сходство нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ съ могильными курганами юга Россіи навело его на догадку, «не были ли первоначально всѣ курганы могильными, и уже потомъ, въ мусульманскій періодъ, население придумало утилизировать ихъ для стратегическихъ цѣлей»². Впослѣдствіи, когда изъ арабскихъ источниковъ были извлечены известія объ укрѣпленныхъ жилищахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ—дихкановъ, Николай Ивановичъ отказался отъ своей прежней догадки и убѣдился, что курганы должны быть признаны остатками замковъ дихкановъ, хотя это убѣжденіе, несомнѣнно правильное (это видно уже изъ того, что именно въ долинѣ Ангрена³, гдѣ дольше всего сохранялся прежній землевладѣльческій строй⁴, курганы особенно многочисленны), было высказано имъ только на лекціяхъ; въ печати его впервые высказалъ одинъ изъ туркестанскихъ изслѣдователей (нынѣ покойный)⁵, находившійся, какъ мнѣ известно, въ перепискѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

Николай Ивановичъ интересовался культурной жизнью Туркестана не только въ до-мусульманскій періодъ, но и при исламѣ, до новѣйшихъ временъ включительно. Его вниманіе и въ этомъ случаѣ, какъ въ его работахъ о кочевникахъ, по тѣмъ же причинамъ, привлекали къ себѣ не столько письменные источники, сколько наблюденія надъ современной жизнью и вещественные памятники прошлаго. Николаемъ Ивановичемъ читались въ восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества доклады не только археологическаго, но и этнографическаго содержанія; имъ былъ собранъ въ Туркестанѣ даже нѣкоторый лингвистическій матеріалъ, переданный К. Г. Залеману⁶; кромѣ того имъ собирались и приводились въ известность раз-

¹ ЗВО, XVI, стр. XXXIV сл.

² ЗВО, II, 224.

³ М. С. Андреевъ въ Средне-азиатскомъ Вѣстникѣ, май 1896 г., стр. 23.

⁴ Ср. объ «илакскомъ дихканѣ» В. Бартольдъ, Турк. въ эпоху монг. нащ., II, 243 и 327.

⁵ Е. Т. Смирновъ въ Проток. Турк. кружка люб. арх., V, 178

⁶ Ср. ЗВО, XXXIV, 245.

сказы о недавнихъ политическихъ событіяхъ, изъ устъ участниковъ этихъ событій. Но вообще въ работахъ Николая Ивановича о Туркестанѣ, въ противоположность его работамъ о кочевникахъ, этнографическій матеріалъ и наблюденія надъ современной жизнью занимали гораздо меньше мѣста, чѣмъ матеріалъ археологическій. Еще во время командировки 1885 г., какъ показываетъ прочитанный имъ въ мартѣ 1886 г. докладъ о Шахи-зиндѣ, онъ на ряду съ производствомъ раскопокъ на мѣстахъ древнихъ городищъ обратилъ вниманіе на необходимость изученія архитектурныхъ памятниковъ, сохранившихся на поверхности земли. Ассигнованіе средствъ на этотъ предметъ въ 1895 г. изъ государственнаго казначейства, по докладу министра финансовъ С. Ю. Витте, позволило Археологической Комиссіи въ томъ же году приступить къ выполненію намѣченныхъ работъ въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ на Николая Ивановича, по его собственнымъ словамъ, было возложено «ближайшее наблюденіе и исполненіе плана работъ»¹. Въ дѣйствительности Николаю Ивановичу, какъ извѣстно многимъ, принадлежало не только выполненіе, но въ значительной степени также составленіе плана работъ, связанныхъ съ производствомъ обмѣровъ, изготовленіемъ чертежей, эстампажей, рисунковъ въ краскахъ и т. п. Работы возобновлялись нѣсколько разъ и были выполнены на средства Археологической Комиссіи для зданій Гуръ-эмиръ и Биби-ханымъ, отчасти для медресе Улугбека. Когда Археологическая Комиссія была вынуждена прервать эти работы по недостатку средствъ, въ связи съ японской войной, Николаемъ Ивановичемъ въ 1905 г. были произведены такія же работы на средства «Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» въ мечети города Туркестана; на средства того же комитета въ 1908 г. были возобновлены работы въ Самаркандѣ, при чемъ предметомъ ихъ былъ на этотъ разъ мазаръ Рухабадъ. Весь матеріалъ поступилъ въ распоряженіе Археологической Комиссіи, которой было предпринято изданіе альбома «Самаркандскія мечети», съ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе альбома требовало большихъ средствъ, которыми комиссія не располагала; до сихъ поръ появился только одинъ выпускъ, вышедшій въ свѣтъ еще въ 1905 г. и посвященный только одному зданію Гуръ-эмиръ, при чемъ и это зданіе въ немъ далеко не исчерпано. На текстѣ этого выпуска, какъ вообще на работахъ Николая Ивановича о Туркестанѣ, не могло не отразиться недостаточное изученіе литературныхъ источниковъ. Николаемъ Ивановичемъ было издано полностью историко-топографическое сочиненіе о Самаркандѣ одного изъ туземныхъ авторовъ XIX в. (русскій переводъ этого сочиненія еще

---

¹ ЗВО, XVII, 0182.

раньше был напечатанъ въ Самаркандѣ); довольно значительное число выписокъ изъ другихъ источниковъ, по обыкновенію, было передано имъ для перевода представителямъ лингвистическихъ кафедръ, но этотъ матеріалъ потомъ частью былъ утерянъ; кромѣ того этотъ способъ работы въ данномъ случаѣ не могъ привести къ дѣли. Необходимъ былъ не переводъ отдѣльныхъ текстовъ, но связанное историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ; только такое изслѣдованіе могло бы выяснитъ истинное значеніе архитектурныхъ и другихъ терминовъ въ данной мѣстности и въ данную эпоху. Пока эта работа не выполнена, не можетъ быть и научнаго описанія построекъ эпохи Тимура и Тимуридовъ. Отчасти, но не въ достаточной степени это сознавалъ и Николай Ивановичъ. Въ своей статьѣ о «Подробностяхъ смерти узбеккаго хана Мухаммеда Шейбани» онъ приводитъ свидѣтельство персидскихъ историковъ, что изъ черепа павшаго при Мервѣ въ 1510 г. хана была сдѣлана чаша, и рассказъ самаркандскаго уѣзднаго начальника Г. А. Арандаренко о перенесеніи на новое мѣсто ханской гробницы, при чемъ скелетъ Шейбани оказался безъ черепа. По замѣчанію Николая Ивановича, «настоящій случай свидѣтельствуеть, какъ исторія нуждается въ содѣйствіи археологіи. Но не менѣе того нуждается и археологія въ помощи исторіи»¹. Едва ли правильно такое сопоставленіе исторіи и археологіи, какъ двухъ самостоятельныхъ, хотя и связанныхъ между собою наукъ. Археологія, какъ дисциплина, посвященная изученію одной изъ категорій историческихъ источниковъ, именно вещественныхъ памятниковъ, составляетъ неразрывную часть единой исторической науки; только посредствомъ изученія источниковъ всѣхъ категорій можетъ быть выполнена задача историка, при чемъ это изученіе, конечно, можетъ быть результатомъ не только единоличнаго, но и коллективнаго труда. Русская наука располагала бы вполне достаточными силами для изученія самаркандскихъ построекъ не только съ точки зрѣнія археолога и художника, но въ связи съ общими задачами культурной исторіи; организаціей и исполненіемъ такихъ работъ былъ бы поставленъ лучшей памятникъ Николаю Ивановичу.

Защита магистерской диссертациі открыла Николаю Ивановичу доступъ въ университетъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же 1877 г. былъ постигнутъ неизлечимой болѣзнью П. И. Лерхъ, не успѣвшій окончить свою диссертацию, хотя еще въ 1871 г. блестяще выдержавшій магистерскій экзамень. По свидѣтельству Николая Ивановича, проф. Григорьевъ, отправляясь на этотъ экзамень, говорилъ: «Иду экзаменовать по исторіи Востока чело-вѣка, который лучше меня знаетъ эту исторію»². Въ 1878 г., тотчасъ

¹ Подробности смерти Шейбани, отд. отг., стр. 8.

² Труды вост. отд. И. Р. Арх. Общ., ч. XVIII, предисловіе.

послѣ избранія Николая Ивановича доцентомъ, Григорьевъ покинулъ университетъ, при чемъ въ своемъ прощальномъ письмѣ на имя ректора упоминалъ о томъ, что оставилъ кафедру «не прежде, чѣмъ приготовилъ себѣ преемника»¹. Какъ университетскій преподаватель, Николай Ивановичъ, конечно, не могъ замѣнить своего предшественника, что лучше всего сознавалось имъ самимъ. Молодежь всегда относилась къ Николаю Ивановичу съ полнымъ уваженіемъ; но его университетскія лекціи не принадлежали къ числу такихъ, которыми могутъ увлекаться студенты. Среди собственныхъ научныхъ интересовъ Николая Ивановича исторія Востока все болѣе отходила на второй планъ по сравненію съ археологіей, и своимъ лекціямъ въ Археологическомъ Институтѣ онъ, вѣроятно, и самъ придавалъ больше значенія, чѣмъ лекціямъ въ университетѣ. Не только общія программы, но и содержаніе курсовъ Николая Ивановича мало отличались отъ курсовъ Григорьева, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось касаться новыхъ научныхъ открытій, напримѣръ дешифровки орхонскихъ надписей. Неоднократно Николаемъ Ивановичемъ предлагались для соисканія наградъ медалями темы, въ свое время предлагавшіяся сго предшественникомъ². Изъ печатныхъ трудовъ бывшихъ слушателей Николая Ивановича мнѣ извѣстенъ только одинъ, въ которомъ авторъ называетъ своимъ непосредственнымъ руководителемъ Николая Ивановича, именно книга С. В. Жуковскаго «Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе» (1915 г.); при разработкѣ такой темы, конечно, лучшаго руководителя, чѣмъ Николай Ивановичъ, не могло быть. Самому Николаю Ивановичу было совершенно чуждо стремленіе направлять молодежь на тотъ путь, которымъ онъ шелъ самъ. Какъ мнѣ извѣстно по собственному опыту, онъ предостерегалъ оставленныхъ при университетѣ по кафедрѣ исторіи Востока отъ увлеченія археологіей, чтобы археологическія разысканія не отняли у нихъ времени, необходимаго для научно-историческихъ трудовъ и пріобрѣтенія высшей ученой степени. Столь же мало онъ былъ доволенъ, когда его ученики вмѣсто изученія исторіи Востока по восточнымъ источникамъ выбирали для своихъ изслѣдованій тему изъ исторіи сношеній Россіи съ восточными государствами.

Своимъ отношеніемъ къ чужимъ трудамъ и къ дѣятельности другихъ ученыхъ Николай Ивановичъ показалъ себя достойнымъ ученикомъ автора

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 270.

² Вопросъ о хуннахъ и хун-ну былъ поставленъ Григорьевымъ въ 1866 г., Николаемъ Ивановичемъ въ 1898 г. Предложенная Григорьевымъ въ 1871 г. тема «Опытъ обзора степныхъ законодательствъ отъ Модэ-шанью до Батора Хонтайдзи» вполне соответствуетъ темѣ, предложенной Николаемъ Ивановичемъ въ 1902 г.—«Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія».

исторической записки, составленной ко дню пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго университета. Составленная Николаемъ Ивановичемъ біографія К. П. Патканова показываетъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью онъ слѣдилъ за дѣятельностью специалистовъ даже по такимъ отраслямъ востоковѣдѣнія, которыя были далеки отъ его собственныхъ занятій. Еще болѣе замѣчательны тотъ тактъ и то безпристрастіе, съ которыми Николай Ивановичъ въ некрологѣ бар. Розена сопоставилъ дѣятельность и вліяніе на студентовъ этого ученаго съ дѣятельностью и вліяніемъ Григорьева; рѣдко дѣятельность представителя новаго направленія, пришедшаго на смѣну старому, встрѣчала такую сочувственную оцѣнку со стороны преданнаго ученика руководителя прежней школы. Такое же безпристрастіе и такую же широту взгляда Николай Ивановичъ обнаруживалъ въ тѣхъ своихъ трудахъ по исторіи русской науки, въ которыхъ ему приходилось выступать за предѣлы востоковѣдѣнія, какъ въ «Исторіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія». Николай Ивановичъ никогда не уклонялся отъ кропотливаго труда, связаннаго съ такими изданіями. Онъ былъ фактическимъ редакторомъ «Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета» за 1869—1894 гг.; имъ же редактировался третій (біографическій) томъ «Матеріаловъ для исторіи Факультета Восточныхъ Языковъ»; онъ же, наконецъ, взялъ на себя редактированіе біографическаго матеріала и матеріала по исторіи отдѣльныхъ кафедръ для сборника, который предполагалось издать ко дню столѣтія Петроградскаго университета.

Николай Ивановичъ не оставилъ по себѣ преемника, который былъ бы продолжателемъ его дѣятельности въ такой же мѣрѣ, какъ самъ онъ былъ продолжателемъ дѣятельности Григорьева. Научное направленіе, однимъ изъ главныхъ представителей котораго былъ Григорьевъ, все болѣе отходить въ прошлое. Несомнѣнно, что объ этомъ прошломъ и представители новыхъ направленій не разъ вспомнятъ съ сожалѣніемъ; по мѣрѣ того, какъ условія жизни вообще и условія дѣятельности ученаго въ частности становятся все болѣе сложными и противорѣчивыми, среди русскихъ ученыхъ все рѣже будутъ встрѣчаться такіе цѣльные люди, какими были, въ остальномъ, конечно, непохожіе другъ на друга В. А. Жуковский и Н. И. Веселовскій. Если въ этомъ случаѣ приходится мириться съ отрицательными сторонами каждаго прогресса, то труднѣе примириться съ опасностью, угрожающей самостоятельности русскаго востоковѣдѣнія и тѣмъ его традиціямъ, которыя вполне заслуживали бы сохраненія. По мѣрѣ сближенія русскаго ориентализма съ западно-европейскимъ среди молодыхъ ученыхъ замѣчается естественное стремленіе изучать первоисточники и первоначаль-

ныя основы каждой культуры; въ этомъ отношеніи ихъ болѣе привлекаетъ изученіе культуры Передней Азіи въ древности и въ мусульманскій періодъ, чѣмъ изученіе памятниковъ древней и средневѣковой культуры Кавказа и Туркестана, болѣе привлекаетъ изученіе буддизма въ Индіи, Китаѣ и Японіи, чѣмъ изученіе буддизма бурятъ и калмыковъ. Какъ бы ни было цѣнно участіе русскихъ ученыхъ въ обще-европейской, не связанной съ отдѣльными національными интересами научной работѣ, едва ли этимъ искупается ущербъ отъ невыполненія задачъ, составляющихъ обязанность русской науки по географическому положенію Россіи и составу ея населенія. Отказываясь отъ изученія сѣверныхъ окраинъ древне-восточнаго, мусульманскаго и буддійскаго міра ради изученія основъ каждой культуры, русское востоковѣдѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ внесенія въ европейскую науку новаго матеріала и соглашается довольствоваться разработкой матеріала, уже затронутого западно-европейскими учеными. Въ интересахъ русской культуры и въ интересахъ міровой науки одинаково слѣдуетъ желать, чтобы научные вопросы, непосредственно связанные съ исторіей Россіи и входящихъ въ нее странъ, вновь пали себѣ большее число изслѣдователей среди молодыхъ русскихъ ориенталистовъ, и чтобы послѣдніе пользовались своимъ лучшимъ знаніемъ западно-европейской науки и ея методовъ не для перехода отъ прежнихъ научныхъ задачъ къ новымъ, но для дальнѣйшаго развитія и углубленія трудовъ своихъ предшественниковъ.

В. Бартольдъ.